

Астрид Анне Эмилия Эрикссон, известная как Астрид Линдгрэн, свою первую книгу написала в 1944 году. Ее герои Пеппи Длинный Чулок, Эмиль из Леннеберга, Карлсон на крыше известны детворе многих стран. На днях Астрид исполнилось 86 лет. Корреспондент крупнейшей в Швеции газеты «Экспрессен» обратился к ней с просьбой о беседе. Дав согласие, она предупредила: «Это будет мое последнее интервью».

Публикуем его с небольшими сокращениями.

— Говорят, ваши книги читали несколько сотен миллионов людей, возможно, даже более миллиарда.

— Не думаю, что речь может идти о миллиарде. Но круг моих читателей составил по крайней мере сотню миллионов человек. Надеюсь, что и ты вырос на моих книгах?

— Да, конечно. Прежде всего на книгах об Эмиле и Пеппи.

— Я люблю их всех.

— Но есть ли самый любимый?

— Фаворитом всегда был Эмиль из Леннеберга, он олицетворял мое детство. Когда я писала о нем, думала о своем отце и людях из моего детства.

— Вы родились в 1907 году. Тогда, наверное, в семье еще не было радио?

— Радио у нас появилось только в 1925 году. С того времени, когда я была ребенком, общество изменилось неслыханно. Если мы с папой ехали в гости к бабушке, он при встрече с автомобилем останавливал лошадь и брал ее под уздцы, так как она становилась просто безумной от испуга.

— Вы пережили две мировые войны...

— Во время первой мировой я часто размышляла о войне и представляла, как солдаты бредли по раскисшим дорогам и ползали по грязи. А потом, когда сражения завершились, я до поздней ночи зачитывалась романом «На западном фронте без перемен». И плакала над ним. Если опять начнется война, думала я, встану на колени в парламенте и буду умолять депутатов выступить против войны.

— А когда началась вторая мировая война, вам было 32 года...

— К тому времени я уже много лет жила в Стокгольме. Во время войны меня взяли на работу в военную цензуру. Мы подписывали бумагу о неразглашении этого факта. Но там я лучше узнавала о том, что происходило в мире. О, как тогда я ненавидела Гитлера! И сегодня меня раздражают неонацисты, которые восхваляют его.

— Книга о Пеппи Длинном Чулке была написана и впервые издана во время второй мировой войны. Наложил ли война отпечаток на это произведение?

— Не думаю. Война, конечно же, оказывала на меня большое воздействие, но мое творчество все же не было связано с жестокостями сражений.

— Действительно ли ваши книги созданы как для детей, так и для взрослых?

— Это совершенно не так. Я вообще писала свои книги не для кого-то, а прежде всего для себя. (Известно, что произведения Линдгрэн родились на основе ее устных рассказов,

— Нет, я никогда не хотела оставаться всю жизнь ребенком, иначе у меня не было бы своих детей. Не уверена, но, кажется, во мне уживаются «я» всех возрастов. Наверное, так должно быть со всеми. Однако, стоит оглянуться вокруг, как заметишь, что некоторые люди выглядят так, словно они сразу родились директорами.

— Рождество всегда играло важную роль в вашем детстве. Вы помните, как его встречали у вас дома?

— Дома в деревне мы обычно готовились к Рождеству в последний момент, поэтому я

какой бывает естественная нежность. Каждый день мы видели, как папа проявлял заботу о маме, как ласкал ее. Вера в их любовь давала нам уверенность в жизни. Когда в 1961 году мама умерла, я впервые видела, как папа плакал.

— Они сильно отличались друг от друга?

— Оба были очень хорошими людьми, но разными. Мама вышла из религиозной семьи и отличалась строгостью, а папа был всеобщим любимцем и не имел врагов. Он обладал большим юмором и любил рассказывать истории, которые приключались

— Вы верите, что после смерти существует какое-то продолжение?

— Я выросла в христианской семье, поэтому у меня есть надежда на то, что в чем-то продолжение должно быть. Нечто такое, чего на Земле мы не видим. Однако могу сказать, что я сомневаюсь в своих сомнениях. Теперь в космос запускаются послания, чтобы они сохранились где-то, помимо Земли. Это хорошо. А вообще мне хотелось бы, чтобы был найден кто-то, который знает, кем был, скажем, Моцарт.

— Или Астрид Линдгрэн?

о том, что вам следовало предоставить место в Шведской академии и присудить Нобелевскую премию.

— Меня и сейчас преследует масса журналистов. А сколько бы их ринулось на меня, если бы я стала лауреатом?

— Как, по-вашему, будет выглядеть мир в будущем?

— Об этом мне как-то не хочется думать, но я надеюсь, что наступит такой удивительный день, когда люди поймут, что им нужно измениться. Первым делом они должны перестать убивать друг друга. Потому они смогут создать новую жизнь на Земле. Это реально. А я тогда буду уже смотреть на это, сидя на облаке.

— Каким должен быть человек?

— Прежде всего порядочным. Во всех отношениях. А что ты сам об этом думаешь?

— Я думаю, что, с одной стороны, мы должны продолжать свой род, а с другой — наслаждаться жизнью, но так, чтобы не вредить другим.

— Смысл жизни людей должен состоять в продолжении человеческого рода. Прекрасно, когда на свет появляются маленькие дети.

— По убеждениям вы социал-демократ. Голосовали ли вы за свою партию в 1976 году, когда написали памфлет «Сказка о Помперипоссе» после того, как государство вынудило вас заплатить налоги с ваших доходов в 102 процента? (Этот памфлет потряс всю налоговую систему Швеции. — М. З.)

— В тот год я вообще не пошла голосовать, так как была убеждена, что социал-демократы зашли слишком далеко. Министр финансов Гуннар Стрэнг заявил, что мне следует заниматься своими сказками и что это единственное, что я умею делать. Я же ответила, что нам с ним следует поменяться профессиями, поскольку он очень хорошо рассказывал нам сказки и не считал деньги. А я считать деньги умела.

— Говорят, что вы стали причиной падения правительства социал-демократов в тот год. Действительно так?

— Мне это точно неизвестно, но люди говорили, что правительство потеряло много голосов из-за меня. Мне на самом деле хотелось свалить это правительство.

— Что вы думаете о нынешнем правительстве Швеции?

— Я не так хорошо разбираюсь в политике, чтобы утверждать, что в ней хорошо, а что плохо. Но каждый борется за то, во что верит.

— Вас относят к числу главных лиц в Швеции, которые формируют общественное мнение.

— Да. И поэтому мне опасно высказываться по вопросам, по которым я не совсем в курсе дела.

Подготовил Марат ЗУБКО.
«Известия»

29.12.93

Известия, 1993, 29 дек. - с. 7.

АСТРИД ЛИНДГРЭН ЛЮБИТ СКАЗКИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИНТЕРВЬЮ

которые она сочиняла для своей дочери. — М. З.),

— Вы как-то говорили, что ныне написали бы некоторые свои произведения по-иному. Это так?

— Да. Пеппи Длинный Чулок, например, говорит немало глупостей. Сегодня бы я их избегала. Когда за книгу о Пеппи я впервые получила премию, сказала дочке, что мы должны с ней разделить деньги, поскольку это она подсказала мне имя главной героини книги. Но дочь странно посмотрела на меня и заявила: «Ты хорошая, мама, но, пожалуйста, не вмешивай меня в эти глупости».

— В 1980 году совет по вопросам детских фильмов поставил на киноленты о Пеппи штамп «не рекомендовано». Члены совета заявили тогда, что избегают фильмов, «содержащих шаблоны и предрассудки».

— Дураки — это все, что я могу сказать о членах совета. Не до такой же степени там все глупо.

— В чем ваша сила как писателя?

— Об этом вам лучше судить.

— А что вы сами об этом думаете?

— Люди часто спрашивают меня, что требуется от хорошей детской книги. На это я всегда отвечаю так: «Она должна быть действительно хорошей. А человек узнает, что она хорошая, только тогда, когда читает ее». Еще моя сила в том, что я отлично помню, как жила, будучи ребенком.

— Кое-кто утверждает, что детство было лучшим периодом вашей жизни, поэтому вы никогда из него не выходили.

страшно переживала, успеем ли все сделать вовремя. А потом ощущала необыкновенную легкость, когда приходила на кухню и видела, что все приготовлено. На полу новые дорожки, а на столе чистая скатерть и горящие свечи.

— А как теперь отмечаете Рождество?

— По возможности вместе со своими внуками и правнуками. Раньше приглашала их к себе. Но теперь я в солидном возрасте, так что ныне они принимают меня у себя.

— Как вы думаете, в чем чаще всего ошибаются читатели, создавая себе ваш облик?

— Многие люди видят во мне приятную и безобидную сказочную героиню. Но я могу быть сердитой, когда вику подлость.

— Что вас волнует сегодня?

— Все! Не знаю, вина ли в этом всего общества или отдельных лиц, но люди стали почему-то такими злыми, что никак не могут нравиться. Я не могу уснуть по ночам, когда думаю о том, что в Бразилии прямо на улицах убивают детей. Просыпаюсь от размышлений о событиях в бывшей Югославии. В мире много детей, которым живется очень трудно.

— А что вам не нравится?

— Многие изменения в нашей жизни произошли слишком быстро. Они не были достаточно разумными. Но я еще не устала от жизни, в ней так много прекрасного. Например природа.

— Ваши родители — Самуэль Аугуст и Ханна — были, как я понимаю, счастливы всю жизнь. Как это влияло на вас, детей?

с ним в детстве или происходили с другими. В книге об Эмиле из Леннеберга я использовала некоторые его воспоминания.

— Вам пришлось работать с малых лет...

— В детстве у нас было много времени для игр, но нам было полезно научиться работать. Это было так естественно, что я об этом даже не думала.

— Вас часто мучают кошмары?

— Нет. Но у меня есть дневное видение, которое часто посещает меня. Оно появилось впервые много лет назад. Я представила, что ко мне пришел маленький плачущий и замерзший ребенок, который бродил по соседним дворам. Я обогрела его и вымыла в чане около камина, а потом дала ему теплую одежду, накормила и уложила спать.

— Вам ведь самой в юном возрасте пришлось оставить в стороне своего ребенка. Как я понимаю, это была драматическая история?

— Самостоятельно в молодости жить непросто... Я поехала рожать в Копенгаген, чтобы знакомые не давали лишних вопросов. Я любила своего мальчика Ларса до самоубийства, но вынуждена была оставить его на время в Дании. Это ужасно мучило меня. Лишь через три года, когда я обязалась своим первым домом, Ларса привезли ко мне. К сожалению, он уже оставил эту Землю — умер в возрасте 60 лет.

— Плохо, когда родители переживают своих детей. Верно?

— Да, это точно. Я безгранично скорбела, когда Ларс умер. Слава Богу, жива моя дочь. Я считаю ее самым замечательным человеком из всех, кого знаю.

— Нет, над этим я не думаю. А вот если бы обнаружился кто-то знающий, кем была на самом деле Пеппи Длинный Чулок, я восприняла бы это с пониманием.

— Вас пугает смерть?

— Я испытываю неимоверную печаль в связи с тем, что мои близкие друзья умирают один за другим. Сама я готова к смерти. Но только не сегодня, в другой день.

— До каких лет вы надеетесь дожить?

— Говорят, на Кавказе есть люди, которые пьют кефир и живут ужасно долго, чувствуя себя прекрасно.

— Как вы реагировали на смерть вашего мужа?

— Мой муж умер в возрасте 53 лет, а мне тогда было 45. У него было необыкновенное чувство юмора, он был добрым человеком. После его смерти я не потеряла самообладания и сама себя во всем обеспечивала. Работала редактором в издательстве «Рабен и Шёгрэн», писала свои книги.

— Что означает для вас материнство?

— Материнство — это то, что отличает нас, женщин, от мужчин, хотя сегодня они часто бывают хорошими отцами и понастоящему заботятся о детях. Для женщин же рождение ребенка — самое прекрасное в жизни событие.

— Есть ли нечто такое, чего вам не удалось сделать в вашей жизни?

— Думаю, что мне удалось сделать немало. Я многое видела, посетила разные страны, но самое главное, что смогла, — обзавестись семьей правнуками. Меня заботит, как они найдут свое место в жизни.

— Много лет идут разговоры